

Р

РАХМАНИНОВА не считали при жизни новатором, да и сам композитор не думал об этом... Кухня эксперимента была чужда его творческому духу. Размах дарования позволял ему брать горстями звуки родной природы и сеять их в души современников, а ныне — в сердца благодарных потомков. Первые критические статьи не оспаривали, что в России появился большой композитор. Мало кто в Москве не верил в силы девятнадцатилетнего юноши, окончившего с Большой золотой медалью консерваторию, ведь ярче и ценнее этой награды была опера «Алеко», свидетельствовавшая о завершении определенного жизненного этапа и о зрелости самого гармоничного композиторского таланта двадцатого столетия.

Годом раньше Сергей Рахманинов блестяще закончил фортепьянный класс. Трудно писать об игре пианиста не слышавшему его, не видевшему его живым. Как остановить раз и навсегда отзвучавшие звуки? Ведь как бы ни были совершенны средства грамзаписи, они не в состоянии сохранить нам все обаяние и всю прелесть естественного звучания. Лишь общение с живым пианистом дает человеку полное представление о нем... Мы можем только вообразить то исполнителское чудо, каким была фортепьянная игра Сергея Рахманинова. Мне всегда кажется, что звуки, извлеченные им из любимого инструмента, должны были вывести из железного покоя самого равнодушного человека, а расстроенной душе вернуть тишину и счастье. Стыдно было бы любому сердцу не реагировать на простоту и эмоциональность клавиш под вдохновенными пальцами пианиста.

Немного осталось на нашей планете счастливых, сохранивших в своей памяти впечатления о концертах этого гениального музыканта. Большинству же слушателей приходится довольствоваться грамофонными записями. Но и тогда, когда из глубины времени с простоя патефонной пластинки льется нескончаемая музыка рояля, за которым как будто зримо восседает Сергей Васильевич, понимаешь, что «ни теперь, ни прежде никто никогда не играл так прекрасно». Будь то солнечная пластика ясного дня или окрашенные в мрачные тона надвигающейся грозы движения души — все это таинная сущность, выходящая за пределы музыкальной росписи, присущей только ему одному, Рахманинову. Исполнительский ум Рахманинова охватывал не только «всю логику музыки, но и обладал той интуицией, которая возвышается над логикой», известный исследователь музыки Артур Херст называл ее гениальностью.

Тремя могущественными призваниями наделила своего великого сына Россия. Три щедрых дара отпустила ему родимая земля. Под стать изумительному композитору и блистательному пианисту был Рахманинов-дирижер, хотя последний и оставался в тени славы сочинителя музыки и интерпретатора фортепьянных сонат Бетховена и Скрябина, прелюдий Шопена и Листа, пьес Шумана и Шуберта. Говорят, что в технике и виртуозности дирижирования Сергей Рахманинов уступал мастерству Артуру Тосканини, Бруно Вальтера и Юджина Орманди; пусть у него не было «машинной» ловкости, пусть за пультом управления оркестром движения его выглядели несколько застенчивыми, пусть он был лишен «замашек» опытного капельмейстера, зато, повторяя слова современников Рахманинова, можно сказать, что в его дирижировании всегда присутствовало искусство, которое «составляет секрет настоящего музыкального исполнения, — линейность, горизонтальная линия, непрерывность».

Всепобеждающая человечность, органическая внутренняя обоснованность, природный вкус — все это заслоняло недостаток технических возможностей дирижера. Он возрождал к новой жизни произведения Моцарта, Глинки, Мусоргского, оведал их своим вдохновением. Оркестр под его управлением пел человеческим голосом, убеждая и побеждая людские души. Есть интересные, свидетельствующие об этом воспоминания Николая Карловича Метнера, профессора Московской консерватории, русского композитора и пианиста:

«Никогда не забуду Пятой симфонии Чайковского. До Рахманинова нам приходилось слышать эту Симфонию главным образом от Никиши и его подражателей. Никиш, как говорили, спас эту Симфонию после полного провала ее самим автором. Гениальная интерпретация Никиши, его своеобразная экспрессия, его патетическое замедление темпов стали как бы законом для исполнения Чайковского и сразу же нашли себе среди доморощенных, самозваных дирижеров слепых и неудачных подражателей. Не забуду, как вдруг при первом же взмахе Рахманинова вся эта подражательная традиция слетела с сочинения, и опять мы услышали его как будто в первый раз. Особенно поразительна была сокрушительная стремительность финала как противоядие никитищескому

пафосу, несомненно предвизвавшего этой части».

Первой частью Первого концерта для фортепьяно с оркестром в 1890 году начинается профессиональная дорога впоследствии всемирно известного и везде почитаемого композитора. Истинный талант рождает его земля, точнее, часть ее, именуемая «малой» родиной. И благодаря своим сынам становится эта земля сама известна миру... Подобные мысли возникают у меня всякий раз, когда я вслушиваюсь в одухотворяющие созвучья Первого концерта.

Звонит ручей мелодии, как бы теряясь в необозримой тишине. Рахманинов, может быть, первым из русских композиторов «услышал» эту тишину, ощутил ее всем своим существом и наполнил звуками. Не случайно еще в годы своего становления Сергей Рахманинов был замечен Петром Ильичом Чайковским, чей гений находился во внутреннем родстве с духом молодого композитора. Рахманиновская тишина и негромкий свет — это в какой-то степени продолжение «Зимних грез» Чайковского. Свежее дыхание ритмов, свободный напев, подсказанный безудержным простором и отодвинутый к горизонту далью, одинаково наполняли души обоих музыкантов. Светлой памяти величайшего русского композитора посвящает Сергей Васильевич свое знаменитое «Элегическое трио»... Знаменательно, что в последнюю встречу двух «братьев» по искусству, когда младший собрал показывать Петру Ильичу написанное им

С. В. РАХМАНИНОВ. К 100-летию со дня рождения.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Борис ПРИМЕРОВ

За лето, тот «с милой усмешкой», как вспоминал впоследствии сам Рахманинов, сказал: «Чего только Сережа не написал за это лето! И поэму, и концерт, и сюиту, и т. д. Я же написал только одну симфонию!» Эта чуть-чуть грустная усмешка, значительное «и т. д.» говорит о том, что композитор видел большую творческую дорогу своего молодого друга и молчаливо благославлял его на этот тернистый путь. Жизненная дорога Чайковского подходила к концу. Симфония, написанная им в то лето, была Шестой и последней...

Как незамутненные воды Вохова вытекают из бывшего Ильмень-озера, так и светлая река рахманиновских творений берет свое начало в музыке Глинки, Даргомыжского, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, а также в той народной песенной стихии, которая дала жизненную основу всем этим выдающимся представителям русского музыкального искусства.

Неподалеку от Новгорода, в имении Онег, полученном матерью в приданое, увидел свет будущий композитор. Впоследствии он расскажет нежными, полными грусти звуками:

И у меня был край родной;
Прекрасен он!
Там ель качалась надо мной...
Но то был сон!

Да, то был сон! Ведь детство проходит будто бы незаметно. А потом, когда человек начинает осознавать себя в мире, оно всегда оказывается чудным сном, ибо живет неизменно в воспоминаниях души, облаченное в самые светлые и недостижимые образы...

Прекрасные колокола отливали на древней земле. Их малиновому звону дивилось не одно сердце, а особенно такое музыкальное, как рахманиновское. Под их аккомпанемент рождалась Вторая симфония, знаменитая кантата «Колокола», фантазия для двух фортепьяно. Фантазия для двух фортепьяно хотя и одно из ранних сочинений Сергея Васильевича, но оно не несет на себе никаких следов неопытности, следов ученичества. Композитор включал его в свои концертные программы на протяжении многих лет... Вот колокольный перезвон слетает с нотных листов и летит ввысь, олицетворяя народное веселье. Над необъятной Русью раздается солнечный гул меди! Море самых смелых и неожиданных звуковых оттенков залило и поглотило простор.

И воздух весь, гудя, затрепетал.
Певучие серебряные громы...

Драматическая поэтика колоколов запечатлена и в другом крупном произведении Рахманинова. Подсказанный композитору стихами Эдгара По тема противоборства жизни и смерти увлекла его, да и четкая ритмика стихов сама просилась на музыку. И вот пульс произведения шагулан. Работается легко. Рахманиновы живут в Риме, в квартире, где некогда останавливался Петр Ильич Чайковский. Какую новую думу хочет поведать композитор людям?

...Распускаются колокольчики, покачиваясь в поле, только что проснувшиеся

после недолгой ночи, но вот весна сменилась осенью, переключаются бубенцы, а под их однообразную песенку ложится удивленный молодой снег. Теряются за белой дымкой мажоресные сани. Но почему охватывает душу непонятная тревога? Все громче и трагичнее музыкальные образы. Налетает, ломая ветви когда-то молодого дерева, снежный ветер. Кажется, вот-вот потухнет солнце и навсегда воцарится кромешная тьма. Где юность? Где надежды? Позади осталась романтическая мечта о счастье. Даже страдания нет. Летние полевые колокольчики превратились в могучие колокола. Что случилось в судьбе человека? «На помощь! На помощь!» — зовет набат. Но вот тишина, невыносимая для человека тишина... Как долго длится это мгновение!

Может быть, другой композитор, увлеченный концовкой Эдгара По в пессимистическую бездну, и поставил бы тут точку, но то другой... Гуманистический талант Рахманинова вводил его дальше. Даль эта была — высота. Не над жизнью, а во имя жизни — над бездной — возвышался его звук. Финал «Колоколов» звучал солнечно, безоблачно, чисто. Из самых недр глубокого молчания запели, как весенние воды, виолончели, поддерживая проклюнувшиеся голоса серебряных арф...

Для меня горизонт рахманиновских мелодий, а с ним и вообще существование подлинной музыки открылся внезапно. Я был болен, и болезнь моя, кажется, прогрессировала. Во всяком случае, на лица врачей я все чаще ловил тень сомнения. Порой мне просто не хватало воздуха, я задыхался. Но, помню, однажды утром я открыл глаза — в окно вместе с ветром влетали какие-то незнакомые звуки. И через минуту небывалый вихрь ощущений закружил меня. Острые, кричащие запахи молодой травы наполнили комнату. Открылась ранняя, беззащитная синева неба. Я впервые так близко слышал дыхание весны. Нестерпимо захотелось жить...

С той поры утекло много воды. Но Второй концерт Рахманинова стал частью моего существования. Конечно, теперь передо мной открылась в этой музыке не только весна с ее неудержимым порывом, но вся поднимающаяся во весь рост Родина. Не получив специального музыкального образования, я сам входил во все новые глубины этого удивительного творчества, а вместе с ним — в широкое творческое наследие величайшего композитора.

А наследие его поистине безгранично, ибо это не только созданное композитором Рахманиновым, но и «оживленные» для многих слушателей могучим пианистом и дирижером произведения отечественной и зарубежной классики. Я понимаю, что о нем написано много и много можно еще говорить о вечно живом его вдохновении. Но есть один удивительный эпизод, ставший как бы неким символом всей жизни Рахманинова. Не упомянуть о нем просто невозможно.

Это было почти в начале артистической карьеры музыканта. На одном из концертов среди множества цветов он

увидел небольшой, но прекрасный букет белой сирени. По окончании выступления он унес с собой в артистическую этот букет. К нему была приколота карточка с двумя только буквами — Б. С. Белая Сирень — долго оставалась тайной. Но где бы ни гастролировал Рахманинов, где бы ни выступал, на сцене неизменно появлялся букет белой сирени...

Мировая слава сопровождала Сергея Васильевича до последних дней жизни. Его признавали всюду — и в Старом, и в Новом Свете. А душа не знала покоя. Далеко-далеко во времени и в пространстве была Россия. Все ближе и ближе была она сердцу. На склоне лет вспоминались часто давние чудные строки А. К. Толстого. Найдены еще в юности, но до конца понятны только теперь слова Садко, обращенные к морскому царю:

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши этия неги
Я б отдал за крик перепелки во рни,
За сирин новгородской телеги!

Почти все лучшее и значительное было написано на родной земле. «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается нных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний» — такие горькие слова родились у Сергея Васильевича Рахманинова не в минуту отчаяния, это выстраданная неотступная мысль последних лет жизни. Вместе с тем композитор задавал себе главный вопрос: нужна ли его музыка великой Родине в той новой жизни, от которой он когда-то отвернулся? И вот в один из вечеров, настроив приемник на Москву, он услышал свои «Весенние воды»:

Весна идет, весна идет!
И тихих теплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Кончались тридцатые годы, Европа уже полыхала в огне войны... Затем наступил неотвратимый сорок первый: фашистские полчища топтали советскую землю. Сергей Рахманинов с самых первых дней Великой Отечественной сражался с Родиной ее горю. Осенью того же 1941 года он начал организовывать концерты, весь сбор от которых шел в помощь Красной Армии. По воспоминаниям очевидцев, играл он в те дни «совершенно исключительно»...

Всего несколько дней не дожидаясь Сергея Васильевича до своего семидесятилетия. Его похоронили неподалеку от Нью-Йорка, на русском кладбище. Совсем недавно на его могиле был посажен куст белой сирени, привезенный из Москвы, той самой сирени, которая долгие годы безмолвно появлялась на всех концертах великого музыканта...

Послезавтра исполнится 100 лет со дня рождения Рахманинова. Три десятка лет отделяют нас от его последнего земного дня. Но музыка его неувядаема, как белая сирень, что каждой весной распускает свои легкие лебединые гроздьи над гениальным композитором.